

На таком расстоянии, как и в прошлый раз, королю приходилось слегка запрокидывать голову, чтобы их взгляды встретились. Конечно, это расстояние уже сильно нарушало сдержанность, принятую между правителем и подданным. Они находились так близко, что могли чувствовать дыхание и сердцебиение друг друга. Это было уже вторжение в личное пространство. Хань Сю развёл руки в стороны, наполовину шутя, наполовину жалуясь:

— Не думаешь, что это слишком близко?

Хоффман наклонился и заметил, как молодой король слегка опустил голову, его ресницы, словно опахала, слегка дрожали, а на уголках глаз всё ещё оставался румянец. Его губы слегка надулись, словно выражая недовольство, а из-под мягких локонов виднелась тонкая белая шея.

Он протянул руку и намеренно провёл пальцами по мягким золотистым волосам до шеи. Пушистые волосы и тёплая кожа были такими, какими он их себе представлял. Затем он поднял руку, словно ничего не делал, и продолжал с невозмутимым видом «помогать» королю поправить рубашку.

Перевернув воротник, его длинные пальцы коснулись мягких оборок на рубашке, затем обошли её спереди, и молодой король покорно поднял голову, обнажая уязвимую шею.

Этот жест, несомненно, основывался на определённом уровне доверия. Осознавая, что король доверяет ему, Хоффман почувствовал удовлетворение.

Рубашка, в которой он спал, слегка помялась, и только две пуговицы были застёгнуты, едва держась. Хоффман мельком взглянул на белую, почти сияющую грудь короля, а его пальцы, поправляя рубашку, скользнули по чётко очерченным ключицам, после чего он спокойно застегнул пуговицы одну за другой.

— Внизу...

Хоффман вопросительно посмотрел на короля.

Хань Сю перевёл взгляд на его руки, затем указал подбородком в сторону:

— Вон там брюки и пояс.

Он был готов ничего не делать сегодня, притворившись беспомощным ребёнком, чтобы посмотреть, насколько низко может опуститься Хоффман.

Хоффман не разочаровал его. Он спокойно взял брюки, опустился на колени, позволив королю поправить их, а затем медленно начал подтягивать вверх. Весь процесс проходил очень медленно. Он был высоким, и когда брюки оказались на середине бедра, он встал. Его руки, удерживающие ткань, оказались в позиции, словно он обнимал Хань Сю. Но когда они коснулись выступающих ягодиц, он явно замер, дыхание участилось, и лишь через мгновение он отпустил брюки и обошёл спереди, чтобы поправить.

Это положение заставило Хань Сю оказаться в его объятиях, и он не смог сдержать смеха:

— Мой архиепископ, ты уже достаточно потрогал?

Хоффман не изменил положения, опустив голову к его шее, где перед ним оказалась мягкая золотистая грива волос. Он слегка улыбнулся:

— Ты уже заметил. Однако мои чувства к тебе не могут быть удовлетворены за столь короткое время. Скорее, мой король, ты должен сказать, готов ли ты снизойти до меня, твоего поклонника, и немного обратить свой взор на моё сердце?

Хань Сю почувствовал, что эта фраза звучит знакомо, и, взглянув на книги на столе, вдруг вспомнил, что это были слова из одной из книг, где герой говорил их героине. Конечно, «король» и «трогать» заменили «богиню» и «поцелуй».

Удивительно, но сейчас голос Хоффмана был глубоким и сдержанным, его бархатистый тон звучал прямо в ухо Хань Сю. Для Хань Сю, который сам обладал приятным голосом и был особенно чувствителен к звукам, это было нечто особенное. Ему вспомнилась фраза, которую он однажды увидел в чате онлайн-игры: «Настолько прекрасно, что от этого можно забеременеть ушами и не сомкнуть ноги».

В его глазах промелькнула тёплая улыбка.

Хоффман сразу уловил это. Он с восхищением провёл пальцем по румянцу на уголке глаза Хань Сю:

— Ты хочешь что-то сказать, но твои глаза уже выдали твои мысли. Мой король, ты хочешь отказать мне?

Хань Сю поднял бровь и ответил строкой из книги:

— Наверное, рассвет выдал тайну моего сердца. Не принимай мою наглую дерзость за обещание.

Хоффман улыбнулся и продолжил:

— Только тот, кто никогда не был ранен, может смеяться над шрамами других. Пиршества быстротечны, но я всё же верю, что в книге судеб мы записаны на одной строке.

Их взгляды встретились, словно они действительно ощутили мир, описанный в книге: всё, что рождается из ничего, тяжёлая лёгкость, серьёзное безумие, упорядоченный хаос, свинцовые перья, яркий дым, холодное пламя, истощённое здоровье, вечно бодрствующий сон, отрицание существования. Казалось, время и пространство ушли далеко, и они, обнявшись, медленно приближались друг к другу, пока их губы не встретились, переплетаясь.

Когда они наконец разошлись, Хоффман пристально смотрел на лицо молодого короля, покрытое румянцем. Его глаза не могли оторваться от красных губ короля. Он произнёс с элегантной интонацией, продолжая намекать:

— Такая бурная радость часто предвещает бурный конец. В момент наслаждения она, как огонь и порох, мгновенно исчезает.

Хань Сю повернулся и направился к стойке, снимая свой плащ:

— Я думал, что любовь — это лишь дым, поднятый вздохом, а в глазах влюблённого — очищенная искра; слёзы влюблённого — это волны, поднятые ею.

— Однако это также самая мудрая из безумств, горечь в горле, мёд, который нельзя попробовать. Она также глубока, как море, и чем больше я отдаю, тем больше становлюсь богат, ибо оба они бесконечны.

Хоффман взял плащ из рук Хань Сю и продолжал выполнять свою задачу — обслуживать короля. Он говорил это с предельной серьёзностью, не показывая, что это была просто шутка.

Затем Хань Сю прекратил эту игру с цитатами. Когда Хоффман завязал последний узел, он внезапно поцеловал его в губы. Это словно открыло некий переключатель, и оба одновременно рассмеялись.

— Воздержанный архиепископ?

Хань Сю поддразнил Хоффмана.

— Многолюбивый король?

Хоффман не остался в долгу.

Да, в их отношениях именно «воздержанный» священник открыто выражал свои чувства, а известный своей любвеобильностью король отступал, «холодно» игнорируя искренность священника.

Они оба были взрослыми, и, на самом деле, скрыть любовь к кому-то было крайне сложно, особенно если они и не пытались этого делать. От случайного взгляда, полного нежности, до игривой улыбки — всё их тело излучало восхищение. Поэтому, если один из них не отвечал, это было скорее преднамеренным отказом, чем незнанием о «тайной любви».

К тому же они уже прожили несколько жизней вместе, и, даже если Хоффман не знал об этом, они были самыми близкими людьми друг для друга. Такая близость была не просто знанием характера, предпочтений или происхождения, а чем-то более глубоким. Такая любовь, осязаемая и реальная, не могла быть скрыта или остановлена, и её нельзя было игнорировать. Когда она возникала, она существовала, как единственная яркая луна в ночном небе. Кто мог холодно игнорировать её?

Голос Хоффмана стал тише, и он с намёком взял руку короля:

— Юноша, клянусь этой луной, чей серебряный свет озаряет вершины этих деревьев, я клянусь...

— Ах! Не клянись луной, она изменчива, каждый месяц она то растёт, то убывает. Если ты поклянёшься ей, твоя любовь может стать такой же непостоянной.

Он замолчал, а затем, под взглядом Хоффмана, который становился всё более напряжённым, продолжил:

— Если ты действительно любишь меня, скажи мне это искренне. Если ты считаешь, что я слишком легко сдаюсь, я нахмурюсь и сделаю вид, что отвергаю твою доброту, чтобы ты умолял меня, иначе я никогда не откажу тебе.

Хоффман явно облегчённо вздохнул. Он был словно тот глупый герой из истории, который, сделав всё это, только потом осознал своё напряжение и тревогу. Теперь его сердце спокойно вернулось на место, и он смог произнести эти слова:

— Тогда я искренне говорю тебе: я люблю тебя.